

Председателю
постоянной комиссии
по законности и правопорядку

О.А. Петрову

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ
ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ
ПРАВОВОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Суворовский пр., д. 67, Санкт-Петербург, 191311
Тел. (812) 274-85-18
Факс (812) 274-85-39

14.02.2018 № 476-1/18-22-0-1

На № _____ от _____

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

на проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс
Российской Федерации»

Внесен депутатом Законодательного собрания Ленинградской области
В.С. Петровым

Правовое управление, изучив представленный проект федерального закона (далее также – законопроект), отмечает, что он внесен с формальным соблюдением требований Регламента Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации (далее – Государственная Дума) и Регламента Законодательного собрания Ленинградской области.

Инициатор законопроекта предлагает установить уголовную ответственность за организацию оказания сексуальных услуг с использованием кукол, предназначенных для полового сношения или иных действий сексуального характера.

Как указано в пояснительной записке к проекту федерального закона, обеспокоенность инициатора законопроекта данной проблемой обусловлена имеющейся у него информацией о создании в ряде зарубежных стран (в качестве примера приводятся Нидерланды и Англия) публичных домов с использованием «секс-роботов и других кукол, предназначенных для полового сношения или осуществления иных действий сексуального характера».

Указывая на отсутствие в Уголовном кодексе Российской Федерации норм, которые предусматривали бы наказание за организацию «кукольных» притонов для оказания платных сексуальных услуг, инициатор законопроекта предлагает создать превентивный механизм борьбы с

распространением данного аморального явления на территории Российской Федерации.

К тексту законопроекта и приложенным к нему документам имеются следующие замечания правового и юридико-технического характера.

1. В первую очередь следует обратить внимание на выявленное несоответствие между содержанием проекта федерального закона и пояснительной записки к нему.

Значительная часть пояснительной записки посвящена вопросам роботизации сферы оказания сексуальных услуг, а также вопросам разработки кукол, предназначенных для полового сношения или осуществления иных действий сексуального характера и оснащенных технологией искусственного интеллекта («секс-роботов», согласно терминологии, используемой инициатором законопроекта).

Однако в самом законопроекте тема роботов не раскрывается вовсе.

Так, согласно Примечанию 2 к проектируемой статье 241.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (последний абзац статьи 1 законопроекта) под куклами, предназначенными для полового сношения или иных действий сексуального характера понимаются **изделия, предметы, имитирующие тело человека** (женское или мужское), **в том числе с половыми органами**, предназначенные для использования в сексуальных целях, а также **изделия, предметы, имитирующие части тела человека** (женские или мужские), **в том числе половые органы человека**, предназначенные для использования в сексуальных целях.

Анализ указанного определения позволяет сделать следующие выводы:

1) куклой, предназначенной для полового сношения или иных действий сексуального характера, инициатор законопроекта предлагает считать **изделие (не обязательно роботизированное)**, имитирующее тело человека или его часть. Здесь следует отметить, что данное определение несколько расходится с общепринятым значением слова «кукла», приведенным в разнообразных толковых словарях («сделанная из какого-либо материала фигура (подобие) человека или животного»), авторы которых рассматривают в качестве куклы изображение **целой** фигуры человека, но не ее отдельной части;

2) неудачное использование инициатором законопроекта союза «**в том числе**» позволяет рассматривать в качестве куклы **любое** изделие, имитирующее тело человека, вне зависимости от наличия или отсутствия у него половых органов (например, манекен для единоборств), а также изделие, имитирующее абсолютно **любую** часть тела человека (руку, ногу, голову). При этом, однако, данное изделие должно быть пригодно для использования в сексуальных целях, поскольку соответствующее его предназначение рассматривается инициатором законопроекта в качестве обязательного признака объективной стороны преступления. Каким образом и на основании каких критериев должен решаться вопрос о пригодности того или иного изделия для использования в соответствующих целях, инициатор

законопроекта не поясняет. Подобная формулировка позволит квалифицировать в качестве преступных действия, совершаемые практически с любым предметом, что создает возможность для произвольного правоприменения.

2. В пояснительной записке к законопроекту фактически отсутствует обоснование необходимости принятия проекта федерального закона.

Приводимые инициатором законопроекта в качестве примера случаи создания «кукольных» публичных домов в ряде зарубежных стран, очевидно, не могут рассматриваться в качестве такового, поскольку существование подобной практики за пределами Российской Федерации не означает, что данные явления в настоящее время представляют общественную опасность с точки зрения российского уголовного законодательства.

Ни единого примера, свидетельствующего об организации оказания сексуальных услуг с использованием кукол на территории Российской Федерации, а равно о негативных последствиях осуществления такой деятельности (в виде разложения морали и нравственности граждан) инициатор законопроекта в пояснительной записке не приводит, в связи с чем предложение о необходимости создания «превентивного механизма борьбы с распространением данного явления» выглядит недостаточно обоснованным.

Содержащиеся в пояснительной записке категоричные утверждения инициатора законопроекта («очевидно, что распространение таких заведений приведет к росту числа сексуальных отклонений и преступлений, совершаемых на этой почве», «не вызывает сомнений, что «кукольные» бордели начнут стремительно плодиться по всей территории Российской Федерации», «данное явление следует считать еще более аморальным и уродливым по своей сути, чем сама проституция»), в большинстве случаев носят умозрительный, не основанный на практике и опыте характер, в связи с чем также не могут рассматриваться в качестве убедительного аргумента в пользу принятия рассматриваемого законопроекта.

С той же степенью категоричности можно было бы утверждать, что в результате роботизации сферы оказания сексуальных услуг число сексуальных отклонений и преступлений, совершаемых на этой почве, наоборот, уменьшится; что вынужденное сокращение численности работающих в данной сфере людей, обусловленное начавшимся процессом роботозамещения, создаст серьезные препятствия для дальнейшего развития такого вида криминальной деятельности, как организация занятия проституцией, а это, в свою очередь, послужит предпосылкой для искоренения проституции в целом.

С учетом изложенного правовое управление полагает, что концепция законопроекта нуждается в более серьезном обосновании.

3. Инициатором законопроекта предпринимается попытка сконструировать новый состав преступления по аналогии со статьей 241

Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающей ответственность за организацию занятия проституцией.

Следует, однако, отметить, что в рассматриваемом случае использование такой юридической конструкции является не вполне оправданным по следующим причинам.

Само по себе занятие проституцией не рассматривается федеральным законодателем в качестве уголовно наказуемого деяния (в соответствии со статьей 6.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях осуществление данного вида деятельности является лишь административным правонарушением, влекущим наложение административного штрафа в размере от одной тысячи пятисот до двух тысяч рублей). Таким образом, степень общественной опасности данного правонарушения сравнительно невысока.

Иное дело – организация занятия проституцией. Отнесение данного деяния к категории уголовно-наказуемых обусловлено в первую очередь тем, что оно предполагает эксплуатацию человека (в ряде случаев сопряженную с применением насилия или угрозой его применения) и присвоение определенной части полученного им за оказание сексуальных услуг вознаграждения.

Однако указанный критерий определения степени общественной опасности деяния неприменим в случаях, когда в качестве объекта, эксплуатируемого в целях оказания сексуальных услуг, используются не живые люди, а изделия, пусть даже роботизированные и оснащенные технологией искусственного интеллекта, но всего лишь имитирующие тело человека или его часть, и не обладающие в силу этого самостоятельной правоспособностью.

С учетом изложенного правовое управление полагает, что в настоящее время достаточных правовых оснований, необходимых для принятия решения о дополнении Уголовного кодекса Российской Федерации новой статьей, которая предусматривала бы уголовную ответственность за организацию оказания сексуальных услуг с использованием кукол, предназначенных для полового сношения или иных действий сексуального характера, не имеется.

4. Отдельно следует отметить, что при соблюдении некоторых предусмотренных действующим законодательством условий действия лиц, занимающихся организацией оказания сексуальных услуг с использованием кукол (в том числе кукол, явно имитирующих несовершеннолетних), могут быть квалифицированы по статье 242 Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающей ответственность за **незаконные изготовление и оборот порнографических материалов или предметов**, либо по статье 242.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающей ответственность за **изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних**.

Так, частью 1 статьи 242 Уголовного кодекса Российской Федерации установлена ответственность за **незаконные** распространение, публичную демонстрацию или рекламирование порнографических материалов или предметов.

Анализ данной нормы и сравнение ее с диспозицией части 2 статьи 242 Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающей ответственность за **любые (а не только незаконные)** действия, связанные с распространением, публичной демонстрацией или рекламированием порнографических материалов или предметов **среди несовершеннолетних** либо **вовлечение несовершеннолетних** в оборот порнографической продукции, позволяет сделать вывод о том, что федеральным законодателем допускается принципиальная возможность изготовления и распространения порнографических материалов и предметов **на законной основе**.

Для ответа на вопрос о том, в каких случаях распространение порнографических материалов может считаться допустимым, необходимо проанализировать положения действующего законодательства, в соответствии с которыми устанавливаются запреты или ограничения данного вида деятельности.

Согласно статье 4 Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 года № 2124-1 «О средствах массовой информации» **не допускается использование средств массовой информации для распространения материалов, пропагандирующих порнографию**.

В соответствии со статьей 5 Федерального закона от 13 марта 2006 года № 38-ФЗ «О рекламе» **реклама не должна содержать информацию порнографического характера**.

Согласно пункту 7 части 2 статьи 5 Федерального закона от 29 декабря 2010 года № 436 «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» информация порнографического характера является **запрещенной для распространения среди детей**.

Согласно части 1 статьи 11 данного федерального закона **оборот информационной продукции, содержащей информацию порнографического характера, не допускается, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Федеральным законом**.

Исключение из данного правила предусмотрено частью 2 указанной статьи, согласно которой оборот информационной продукции, содержащей информацию порнографического характера, **в местах, доступных для детей, не допускается без применения административных и организационных мер, технических и программно-аппаратных средств защиты детей от указанной информации**.

Требования к административным и организационным мерам, техническим и программно-аппаратным средствам защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию, установлены Приказом Министерства связи и массовых коммуникаций Российской Федерации от 16 июня 2014 года № 161.

Принимая во внимание положения указанных выше федеральных законов можно предположить, что незаконными и наказуемыми в соответствии со статьями 242 и 242.1 Уголовного кодекса Российской Федерации будут считаться действия, связанные с использованием информации порнографического характера **в рекламе**, распространение материалов, пропагандирующих порнографию, **через средства массовой информации**, **любое** распространение, публичная демонстрация или рекламирование порнографических материалов или предметов **среди несовершеннолетних** (либо **вовлечение несовершеннолетних** в оборот порнографической продукции), а также **любое** распространение, публичная демонстрация или рекламирование **материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних**.

С учетом изложенного изготовление и распространение порнографических материалов и предметов, не содержащих изображения несовершеннолетних, **среди взрослого населения**, производимое **без их рекламирования, без использования средств массовой информации** и с применением административных и организационных мер, технических и программно-аппаратных средств **защиты детей от указанной информации**, является допустимым.

Примером тому может служить практика реализации подобных товаров в специализированных магазинах для взрослых («секс-шопах»), попытка описания ассортимента которых фактически была предпринята инициатором законопроекта в Примечании 2 к проектируемой статье 241.1 Уголовного кодекса Российской Федерации.

В этом смысле законопроект, предусматривающий **безусловное наступление** уголовной ответственности за предоставление в пользование (то есть фактическое распространение) порнографических предметов, в том числе и среди взрослого населения, не в полной мере соотносится с указанными положениями действующего законодательства.

Анализ решений, вынесенных судами различных судебных инстанций по данной категории дел, позволяет сделать вывод, что вопросы об ответственности лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, связанную с оборотом порнографической продукции, решаются в каждом конкретном случае по-разному, с учетом фактических обстоятельств дела.

Так, судом первой инстанции по иску прокурора были признаны незаконными действия индивидуального предпринимателя (владельца магазина «Интим») по распространению порнографической продукции без применения административных и организационных мер, направленных на защиту детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию. В целях прекращения нарушения законодательства были приняты меры по обеспечению иска в виде изъятия из помещений магазина соответствующих товаров и установлен запрет на их дальнейшее хранение и реализацию.

Однако судом апелляционной инстанции указанное решение было отменено. В мотивировочной части решения суд апелляционной инстанции

указал, что индивидуальным предпринимателем, осуществляющим реализацию товаров для взрослых посредством их продажи в магазине, были предприняты все необходимые меры, направленные на предотвращения вреда здоровью детей, их физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию. Условие о **необходимости проведения комплексной экспертизы**, которая позволила бы ответить на вопрос, носят ли материалы или предметы порнографический или эротический характер, при рассмотрении иска прокурора судом первой инстанции выполнено не было (см. апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 19 сентября 2014 года № 33-5342/2014ого суда от 19 сентября 2014 года по делу № 33-5342/2014).

Особо следует отметить, что вопрос о признании тех или иных предметов порнографическими может быть решен **только в ходе проведения соответствующей экспертизы.**

В этом смысле позиция инициатора законопроекта, в соответствии с которой указанные в Примечании 1 к проектируемой статье 241.1 Уголовного кодекса Российской Федерации предметы (куклы) предлагается считать порнографическими **априори**, указанной концепции **противоречит.**

На основании изложенного правовое управление полагает, что представленный законопроект не может быть рекомендован для направления его в качестве законодательной инициативы в Государственную Думу.

Первый заместитель
руководителя аппарата
Законодательного собрания
Ленинградской области –
начальник правового управления

Д.В. Малкин